

Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия

Дмитрий Валерьевич Ефременко, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Адрес для связи: efd2015@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются динамика и перспективы разрешения основных конфликтов в регионе Западных Балкан спустя три десятилетия после распада Югославии. Важнейшими факторами, влияющими на конфликтную динамику в регионе, являются этнонационализм, этническая гомогенизация и внешнее вмешательство. Вмешательство Запада позволило остановить военные действия, но в то же время оно фактически закрепило результаты этнической гомогенизации. Сербо-хорватский конфликт близок к своему исчерпанию в силу фактической поддержки Западом операции «Буря» (1995), исхода из Хорватии более 200 тысяч сербов, интеграции Хорватии в НАТО и Европейский союз. Несмотря на негативный груз исторической памяти, и Загреб, и Белград в двусторонних отношениях все в большей степени руководствуются политической прагматикой и взвешенными оценками качественно изменившейся ситуации. На этом фоне дейтонская модель государственного устройства Боснии и Герцеговины, выстроенная на основе институциональных сделок акторов, представляющих конкурирующие этнокультурные сообщества, демонстрирует свою дисфункциональность. Взаимодействие и сотрудничество этих акторов в основном остается вынужденным, осуществляемым под внешним контролем и давлением. Создание и неполное признание международным сообществом второго албанского государства – Косово* – не привело к урегулированию албанского вопроса в масштабах всего западнобалканского региона. В косовских реалиях слабость институциональных традиций приводит к тому, что привнесение извне формальных институтов активизирует политическое структурирование, но происходит оно таким образом, что неформальные структуры и отношения не вытесняются, а в конечном счете подменяют содержание формальных институтов. В перспективе Косово может сформировать настолько плотную сеть связей с Албанией, что признание их единства окажется вопросом времени и политической целесообразности для отдельных государств и надгосударственных объединений. В то же время албанское меньшинство в Северной Македонии и Черногории может стать фактором дестабилизации этих государств. Перспектива интеграции различных стран региона в западные союзы не устраняет остающегося конфликтного потенциала. Скорее, западные альянсы идут по пути интериоризации этих конфликтов. Проекция либерально-демократических норм и ценностей на постъюгославское пространство чаще всего получает имитационный отклик со стороны местных элит. В этих условиях признание региональных реалий, в том числе доминирования этнонационалистических установок над ценностями плюралистической и мультиэтнической демократии, в сочетании с международным контролем могло бы сыграть позитивную роль в поисках эффективного урегулирования конфликтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Западные Балканы, распад Югославии, этнонационализм, межэтнические конфликты, внешнее вмешательство, этническая гомогенизация, ирредентизм

* В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

В многочисленных дискуссиях о причинах распада мультиэтнических государственных образований, управляемых коммунистическими режимами, крайние позиции формируют некое подобие системы координат. Одна из таких позиций гиперболизирует внешнее вмешательство¹, другая – возводит внутренние противоречия и конфликты в ранг судьбоносных, из чего следует вывод о предрешенности краха Советского Союза или социалистической Югославии едва ли не в момент появления этих государств на политической карте мира². Если абстрагироваться от конспирологии и фатализма (эти крайности явно сходятся), то в поле анализа окажется динамическое соотношение внутренних факторов устойчивости и дезинтеграции такого рода государственных образований, влияния внешних системных условий и активных действий заинтересованных игроков. Но не менее важно распространить этот анализ на динамику распада и последующей консолидации новых государств. Поскольку же на постъюгославском пространстве внешнее вмешательство играет исключительно важную роль в трансформационных процессах, исходная дискуссия о причинах распада многонациональных государств переходит в плоскость экспликации наличных результатов нового нациестроительства и геополитических изменений, выявления в них удельного веса автохтонных процессов и внешнего конструирования.

Некоторые дискуссионные проблемы кризисной динамики на Западных Балканах

События конца XX – начала XXI в. на Западных Балканах в литературе нередко характеризуют как войны³ или войну⁴ за югославское наследство. Хотя в данном случае речь идет о метафоре, на наш взгляд, она является достаточно емкой, включающей в себя отсылку к общему истоку конфликтов в регионе, а также к тому, что в эти конфликты глубоко и, очевидно, неустранимо вовлечены внебалканские силы.

Распад империй и крупных многонациональных государственных образований лишь в меньшинстве случаев приводит к разрешению дестабилизировавших их конфликтов. В основном преодолеть конфликты становится возможным, когда на месте материнского государства появляется несколько небольших государств, сравнительно гомогенных в этноконфессиональном плане и не оспаривающих территории друг друга или третьих стран⁵. Гораздо чаще конфликты не завершаются, а эволюционируют с сохранением возможности перехода в «горячую» стадию.

Воздействие внешних государственных акторов может способствовать снижению остроты конфликтов или их разжиганию (особенно если новые государства и/или регион в целом остаются объектом геополитического соперничества), но оно также оказывает влияние на процессы, связанные с консолидацией государственности и трансформацией макрополитической идентичности: «то,

1 Например: Thomas 2003.

2 Guzina 2000.

3 Hoare 2012.

4 Stokes et al. 1996.

5 Kanin 2014.

когда и как та или иная полития вступила в сообщество государств, какое место в нем заняла, какие образцы были предложены или даже навязаны международной системой, все это существенным образом сказывается на государственном строительстве»¹.

Внешнее вмешательство, даже закамуфлированное под миротворчество или арбитраж, может приводить и к неформальному «назначению ролей» для государств и сообществ: «жертвы» / «палача», «выигравшего» / «проигравшего» и т.д. Речь, разумеется, идет о создании образа государств и сообществ мейн-стримом ведущих средств массовой информации и электронными средствами массовой коммуникации, оказывающими мощное влияние на формирование международного общественного мнения. Это находит свое выражение и в практике межгосударственных взаимодействий, когда, например, включение того или иного государства в состав военно-политических союзов и наднациональных объединений обуславливается выполнением не только общих стандартных условий, но и особых условий, таких, например, как полноценное сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии, внедрение институтов и процедур транзитивного правосудия², определенная направленность политики памяти и т.д.

В случае Балканского полуострова можно с уверенностью говорить о том, что предписание ролей было обусловлено своеобразным «эффектом колеи», наличием уже устоявшихся на Западе стереотипов в отношении балканских народов. Как показала М. Тодорова, характерной особенностью западных стереотипов репрезентации этих народов является сосредоточение внимания на роли примордиальных факторов в формировании и даже современном состоянии их идентичности³. Один из наиболее ярких примеров такого видения – известная работа Р. Каплана, в которой производится радикальное «удревнение» конфликтов на Балканах вплоть до эпохи распада Римской империи⁴. Дж. Кеннан, проводя параллели между Балканскими войнами 1912–1913 гг. и кровопролитными конфликтами, сопровождавшими распад СФРЮ, также делал отсылки к глубокой древности, указывая на то, что еще задолго до прихода османов на юго-восточном фланге Европы укоренилась неевропейская цивилизация с особыми обычаями, представлениями о себе и внешнем мире⁵. В тех или иных вариациях подобные представления зачастую приводили к выводам о «незрелости» балканской идентичности, о необходимости внешнего руководства на период завершения модернизации, полного восприятия либеральных ценностей и принципов гражданского общества⁶; кроме того, если внешний арбитраж принимался (добровольно или недобровольно), то у арбитров появлялась возможность объявлять о «прогнесе» европеизации (вестернизации) одних этнических групп или политий и об «отставании» других.

1 Ильин et al. 2010, 27.

2 Kritz 1995; Archibugi, Pease 2018.

3 Todorova 1997.

4 Kaplan 1993; обстоятельный критический разбор концептуальных подходов к объяснению феномена распада Югославии и его последствий представлен в: Ramet 2002.

5 George F. Kennan, "The Balkan Crisis: 1913 and 1993," *The New York Review of Books*, 1993, accessed April 19, 2021, <https://www.nybooks.com/articles/1993/07/15/the-balkan-crisis-1913-and-1993/>.

6 Goldsworthy 1998.

Внешнее вмешательство в случае Западных Балкан привело к тому, что в нескольких постъюгославских странах актуальный этап нациестроительства проходит в условиях длительной и устойчивой фрустрации, когда политические элиты вынуждены демонстрировать *лояльность* (если использовать терминологию А. Хиршмана¹) продиктованным извне правилам, тогда как ряд общественных групп (включая массовые) ориентированы на отстаивание права голоса в дискуссиях о прошлом, настоящем и будущем своей страны либо на демонстрацию готовности к выходу из навязанной элите системы правил и оценок. Несмотря на неформальный характер «предписания» ролей, от них, как правило, очень трудно отказаться. Чаще в них приходится «вживаться», пытаться соответствовать (имитировать) или, напротив, убеждать внешних акторов и свое собственное население в том, что предписанная роль вовсе не соответствует реальным действиям и устремлениям той или иной группы внутри сообщества либо сообщества в целом.

Если попытаться оценить изменения в регионе Западных Балкан на протяжении трех десятилетий после коллапса СФРЮ, то на первом месте, безусловно, окажется торжество этнонационализма, тогда как развитие рыночной экономики и институтов плюралистической демократии выглядит в основном вторичным, в значительной мере обусловленным необходимостью демонстрировать лояльность нормативным установкам Европейского союза и НАТО. Сказанное не означает, что к политико-экономическим и социокультурным изменениям в странах Западных Балкан можно относиться пренебрежительно. Во все нет. Регион изменился, и некоторые изменения можно рассматривать едва ли не как возможность выхода из колеи внутрирегионального противоборства, которое чаще всего имеют в виду, говоря о «балканской судьбе» или «балканизации». Однако вопрос состоит в причинах и условиях осуществления тех перемен, которые наиболее сильно изменили лицо региона.

Помимо Запада, влияние на регион оказывают другие крупные государственные акторы: Россия, Китай, Турция, монархии Аравийского полуострова. Для всех этих акторов Балканы в широком смысле (не только постъюгославское пространство) остаются периферией, но при этом такой периферией, в дела которой все они (теперь даже и Китай) серьезно вовлечены. При этом вовлеченность Европейского союза для самого региона имеет критическое значение, а для Брюсселя она становится одновременно и делом чести, и тяжелой ношей, которую невозможно оставить на обочине. Западные Балканы выступают тем регионом, где ЕС едва ли не в первую очередь на деле должен и может подтвердить свою международную субъектность. В то же время в дела региона глубоко вовлечены Соединенные Штаты, причем активность Вашингтона в некоторых существенных аспектах означает конкурентный вызов для Евросоюза, но все же общая результирующая их усилий (в значительной степени через механизмы Евро-Атлантического пакта) может рассматриваться как безусловное доминирование Запада в определении судьбы балканских народов на протяжении последних тридцати лет. Это вовсе не значит, что Запад полностью определяет

1 Hirshman 1970.

весь ход событий – несмотря на все усилия, в той или иной части бывшей Югославии что-то все время идет «не так». Более того, вмешательство Запада обосновывалось необходимостью остановить кровопролитие и этнические чистки, а затем обеспечить демократизацию и экономическую трансформацию региона. Вместе с тем некоторые наиболее значимые и необратимые изменения произошли в результате военных действий, гибели десятков тысяч и вынужденного перемещения миллионов людей, а не вследствие «миротворчества» и трансформационных усилий ЕС и Запада в целом. И Европейский союз, и Соединенные Штаты продолжают декларировать приверженность принципу полиэтнической государственности, однако на деле более высокий уровень стабильности достигнут в той части постъюгославского пространства, где – страшной ценой крови, страданий и унижений – происходила этническая гомогенизация¹. И наоборот, зонами повышенного риска новых вспышек насилия и межобщинной вражды остаются те страны и территории, которым удалось избежать этих процессов или где вмешательство Запада препятствует тому, что можно назвать подведением итогового баланса этнического разобщения.

В настоящей статье будут рассмотрены основные оси конфликтов на Западных Балканах, начиная с сербо-хорватского, который был определяющим для судьбы первой и второй Югославии.

Исчерпание сербо-хорватского антагонизма

Историю соперничества сербов и хорватов, дважды переходившего в кровопролитное противостояние, нельзя назвать продолжительной. Это соперничество выходит на передний план в тот момент, когда оба этноса обнаруживают себя в составе одного государства, уже не являющегося империей, чей центр расположен за пределами Балкан. Но для судьбы первой и второй Югославии именно это соперничество было определяющим. Правда, интересы и соотношение сил нельзя назвать симметричными: сербы претендовали (и безуспешно) на фактическое лидерство, хорваты решительно отстаивали равноправие, но даже добиваясь значительного расширения своих прав, не оставляли мысли о независимой от Белграда государственности. Однако первый опыт такой государственности в XX в. – Независимое государство Хорватия под руководством А. Павелича – несет на себе каинову печать покровительства Третьего рейха, концлагерей, депортаций и преступлений против человечности. Титовская версия пролетарского интернационализма, символическим выражением которой стал лозунг «Братство и единство», весьма небезупречно функционировала в социалистической Югославии до момента смерти вождя, а спустя всего лишь несколько лет после нее неудовлетворенность политическим режимом и моделью федеративных отношений трансформировалась в запрос на демократизацию, который приобрел в каждой из республик этнонациональное измерение. Разумеется, для комплексного понимания причин катастрофического воздействия этнонационализма на динамику конфликтов в регионе необходим учет инсти-

¹ Sletzinger Martin, "A Glimmer in the Balkans," *The Wilson Quarterly*, Winter 2011, accessed February 2, 2021, <https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/winter-2011-the-seven-million-a-glimmer-in-the-balkans/>.

туционального дизайна СФРЮ, особой комбинации в этом дизайне факторов, связанных с конфедеративным характером государственного устройства и возможностями доминирующей республики контролировать и использовать в своих интересах общегославские институциональные ресурсы, включая армию¹. Но именно этнонационализм обеспечил политический триумф тех лидеров, кто, как казалось, был готов наиболее решительно отстаивать интересы соответствующих этносов. Такая траектория лидерства была общей и для основных политических антагонистов посттитовской эпохи – С. Милошевича и Ф. Туджмана.

Проведение первых многопартийных выборов в югославских республиках перевело кризис югославской федерации в режим катастрофы. Если в Сербии безоговорочную победу одержали бывшие коммунисты, выступившие под новым брендом Социалистической партии, то в Хорватии экс-коммунисты были оттеснены от власти возглавляемой Ф. Туджманом новой политической силой с жесткой этнонационалистической программой – Хорватским демократическим содружеством (ХДС). Успех Ф. Туджмана во многом был предопределен стремлением большинства хорватов к максимальному дистанцированию от Сербии и С. Милошевича. Обратной стороной этого радикализма стал курс ХДС на «хорватизацию» структур государственного управления и их «очистку» от присутствия сербов и черногорцев. Помимо сепаратизма, среди хорватов были сильны ирредентистские настроения, и тем самым создавались благоприятные условия для вмешательства в разразившийся в 1992 г. конфликт в Боснии и Герцеговине.

Реакция на политику и риторику деятелей ХДС сербского населения Хорватии была близкой к панике, связанной не только и часто не столько с целенаправленными действиями новой власти по выдавливанию «нежелательного» этноса из определенных секторов управления и социально-экономической активности, но также с дефицитом достоверной информации, слухами и историческими воспоминаниями, восходящими к периоду Второй мировой войны. Сербь в Хорватии, не видя возможности достижения взаимоприемлемого результата в переговорах с Загребом, сделали ставку на односторонние действия, рассчитывая на поддержку руководства Югославской народной армии и Сербии. Этот «сепаратизм внутри сепаратизма», опробованный также и в СССР в качестве инструмента давления на сторонников независимости тех или иных республик, сформировал новую реальность и сделал неизбежным военный сценарий хорватской сецессии.

Несомненно, что роль политических лидеров – Ф. Туджмана и С. Милошевича – была исключительно значимой для динамики всего Югославского кризиса. И тот, и другой стали во главе авторитарных этнонационалистических режимов, оба были ориентированы и на внешнюю экспансию, освященную идеями ирредентизма. При всем нарастающем антагонизме Ф. Туджман и С. Милошевич хорошо понимали друг друга и в случае невозможности достижения решающего перевеса над оппонентом могли найти основу для балансирования взаимных интересов. В этом смысле показательной была их встреча в охотничьих угодьях Караджорджево в Воеводине 25 марта 1991 г., направленная на поиск формулы

1 Bunce 1999.

сохранения югославской федерации. Компромисс не был найден, но, по целому ряду свидетельств, С. Милошевич и Ф. Туджман в ходе беседы один на один обсуждали возможность раздела Боснии и Герцеговины между сербами и хорватами, ориентируясь на границы Хорватской бановины 1939 г. Другие источники наличие такой договоренности и даже самого обсуждения этой темы отрицают. Тем не менее некое подобие призрака согласованного удовлетворения сербских и хорватских притязаний за счет Боснии и Герцеговины возникало всякий раз, когда события в этой республике принимали критический оборот.

Война, которую в Хорватии принято именовать «Отечественной» (*Domovinski rat*), а в Сербии – «войной в Краине» (*rat u Kraјini*), стала вторым после кровопролития 1941–1945 гг. кульминационным пунктом сербо-хорватского противостояния. По масштабу насилия и военных преступлений, совершенных обеими сторонами, она (вместе с начавшейся в 1992 г. войной в Боснии и Герцеговине) оказалась беспрецедентной для Европы со времен Второй мировой войны. В ходе войны обе стороны проводили этнические чистки. Суммарное количество сербских и хорватских беженцев и перемещенных лиц превышает 500 тысяч человек. Подавляющее большинство хорватских беженцев во второй половине 1990-х гг. вернулись в покинутые ими районы ликвидированной Республики Сербская Краина. Из 300 тысяч сербов, покинувших Хорватию, зарегистрированы в качестве вернувшихся 120 тысяч, но из них менее половины остались проживать в Хорватии на постоянной основе. Таким образом, к концу войны Хорватия не только восстановила контроль над своими территориями в административных границах 1991 г., но и достигла высокого уровня этнической гомогенизации. Если, согласно переписи 1991 г., сербы составляли 12,2% населения Хорватии, а 2,2% участников переписи назвали себя югославами, то, по данным последней переписи 2011 г., сербов осталось 4,4%, а югославы практически исчезли как этноним¹.

Операция «Буря», поддержанная Западом и проходившая в увязке с натовской операцией «Обдуманная сила» в Боснии, положила конец надеждам на осуществление великосербского проекта, по крайней мере, в его максималистской версии. Активное вмешательство Запада в конфликты на постъюгославском пространстве в 1990-е гг. имеет смысл рассматривать как показатель того, что постбиполярная международная система начала функционировать, устанавливая новые рамки действий политических акторов и в регионе Западных Балкан, и в Европе в целом. Было ли это вмешательство неизбежным? Как известно, после разрыва И. Броз Тито с И.В. Сталиным Югославия занимала особое положение в системе международных отношений. Она находилась в своеобразной «серой зоне» между двумя блоками, каждый из которых стремился использовать в своих интересах уникальный статус титовской Югославии, лидер которой, в свою очередь, мастерски лавировал между Москвой и Вашингтоном. На протяжении большей части десятилетия после смерти И. Броз Тито (1980) наиболее влиятельные внешние игроки – Запад во главе с США и Советский Союз – были заинтересованы в недопущении распада Югославии или, по крайней мере, в сдержива-

1 Лишь 331 участник переписи 2011 г. указал этот этноним.

нии процессов дезинтеграции и хаотизации. С окончанием холодной войны, то есть на этапе качественного преобразования международной системы, ситуация быстро начала меняться, и Запад стал рассматривать югославскую федерацию не как ценный балансир, а как обузу, излишнюю в новых условиях¹.

Кризис югославской федерации поначалу интерпретировался на Западе как еще одно проявление той же динамики, которая привела к падению Берлинской стены, череде «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе и ослаблению власти КПСС в Советском Союзе. В радужной оптике 1989 г. больше внимания уделялось тому, что правление коммунистов в Югославии подходит к своему финалу, и при этом недооценивался подъем национализма, делавший неизбежным крушение СФРЮ. Фактически же это был другой процесс, в котором антикоммунистические настроения и лозунги играли второстепенную роль.

Annus mirabilis – 1989 оказал наибольшее влияние на Западные Балканы с точки зрения изменения внешних системных условий, ставших значительно более благоприятными для сецессионизма. Хорватские и словенские элиты вели кропотливую работу, призванную мобилизовать на свою поддержку общественное мнение и правительства стран Запада. Наиболее активную поддержку сецессионистским устремлениям Словении и Хорватии на критической стадии распада СФРЮ оказала Германия, сама едва осуществившая повторное воссоединение и только начавшая преодоление последствий раскола страны². Отделение этих двух республик от СФРЮ, а впоследствии – их вступление в НАТО и Европейский союз вновь прочертили линию культурно-цивилизационного раскола региона, которая в основном (за исключением нынешней Воеводины) совпадает с границей бывших империй Габсбургов и османов. Эта линия отделяет территории с доминированием католического населения от территорий, где преобладают мусульмане или православные. Объединенная Германия в каком-то смысле повела себя как восприимчивая имперской миссии Габсбургов, поскольку современная Австрия с этой ролью справиться не имеет шансов. В дальнейшем Берлин транслировал эту неформальную миссию и Европейскому союзу, где Германия фактически доминирует. Едва ли будет преувеличением сказать, что Словения и Хорватия получили пропуск в ЕС не столько как осколки Югославии, сколько как части постгабсбургского пространства. Став в авангарде признания международным сообществом независимости Словении и Хорватии, Германия сделала необратимым международно-правовое оформление распада Югославии и форсировала извне процессы консолидации новых политий.

На решающем этапе распада Югославии режим С. Милошевича в максимальной степени использовал ресурсный перевес Сербии и Черногории, ирредентистские устремления сербов в Хорватии и Боснии, а также фактический контроль над большей частью югославских силовых структур. При этом Белград практически не имел шансов заручиться эффективной поддержкой незападных игроков: международная дееспособность России после распада СССР была сведена к минимуму, а Б.Н. Ельцин симпатий к С. Милошевичу не испытывал; Китай

1 Никифоров 2011, 866.

2 Crawford 1996.

был поглощен решением внутренних и внешних проблем после подавления протестов на площади Тяньаньмэнь.

В условиях ужесточающейся международной изоляции преимущество Белграда на постъюгославском пространстве на протяжении нескольких лет вооруженного конфликта было подорвано, а потом решительно опрокинуто вмешательством НАТО. Хорватия достаточно быстро укрепляла свои международные позиции, наращивала численность и оснащенность вооруженных сил, обходя эмбарго на поставки вооружений при попустительстве ключевых стран Запада.

Однако именно вмешательство США привело к радикальному изменению расстановки сил. Едва ли есть основания говорить об априорном антисербском настрое Америки¹, хотя на принятие решений в Вашингтоне оказывали существенное влияние хорватская и албанская диаспоры, чье лобби настаивало на максимальном ужесточении позиций в отношении Белграда. Более существенно то, что сам ход военных действий в Хорватии и Боснии, масштаб насилия, этнических чисток и нарушений прав человека рассматривались как вызов американскому лидерству в постбиполярном мире, способности Вашингтона диктовать правила игры. Наконец, для американской геостратегии было важно закрепить на Западных Балканах, выступая в качестве верховного арбитра и в разной степени оказывая поддержку сразу нескольким региональным игрокам. В рамках этого подхода Вашингтон, как правило, воздерживается от полного удовлетворения требований одного из игроков, устанавливая баланс интересов между ними и вынуждая их его соблюдать. С учетом интересов самих США за пределами Балкан, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке, в пул акторов, пользующихся поддержкой Вашингтона, были включены и боснийские мусульмане. К 1994 г. администрация Б. Клинтона сформировала политическую линию, направленную на завершение либо длительную заморозку конфликтов на постъюгославском пространстве на собственных условиях, включавших недопущение создания Великой Сербии, восстановление полного контроля Загреба над территорией Хорватии, блокировку караджорджевского сценария в отношении Боснии и Герцеговины.

Значительное давление в 1993–1994 гг. было оказано Западом на Ф. Туджмана. По сути, предпосылкой успешной подготовки силовой операции Загреба по уничтожению Сербской Краины стало согласие хорватской стороны пойти на союз с бошняками и отказаться (по крайней мере, на длительный период) от воссоединения всех населенных хорватами территорий в одном государстве. Вашингтонское соглашение 1994 г., упразднившее непризнанную Хорватскую республику Герцег-Босна и создавшее мусульмано-хорватскую федерацию (Федерацию Боснии и Герцеговины (БиГ)), которая, в свою очередь, должна была находиться в конфедеративных отношениях с Хорватией, выглядело как альтернатива хорватской ирреденте. Оно создавало впечатление, что Загреб получает возможность контролировать положение в пределах границ Хорватской бановины 1939 г., хотя фактически хорваты в мусульмано-хорватской федера-

1 Впрочем, в начале 1989 г., еще до знаменитой речи С. Милошевича на Газиместане, такой настрой уже присутствовал, о чем свидетельствуют мемуары последнего посла США в Югославии У. Циммермана (Zimmermann 1999).

ции и БиГ в целом получили ограниченную субъектность. Тем не менее военно-политический союз бошняков и хорватов был сформирован под эгидой Вашингтона, а два конфликта – вокруг Сербской Краины и Республики Сербской (РС) – были окончательно взаимоувязаны в преддверии натовской военной операции «Обдуманная сила». Наконец, совместное давление США и стран ЕС (при решающем вкладе Вашингтона) на С. Милошевича дало результаты: сербский лидер подтвердил, что Белград воздержится от прямого военного вмешательства на стороне сербов в Хорватии и Боснии.

Признание невозможности удержать Хорватию в составе государства со столицей в Белграде, а затем – готовность С. Милошевича смириться с результатами операции «Буря», прежде всего с ликвидацией Сербской Краины и массовым исходом сербов с ее территории, создали предпосылки для исчерпания почти векового сербо-хорватского антагонизма. Впоследствии этому способствовали политические изменения в Хорватии после смерти Ф. Туджмана и в Сербии – после свержения С. Милошевича. Процесс вступления Хорватии в Европейский союз, а также ее сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) сопровождалось постепенной трансформацией созданного Ф. Туджманом авторитарного режима¹ и свертыванием наиболее шокирующих западное общественное мнение проявлений этнонационализма на уровне государственной политики. Провозглашение правительством З. Джинджича курса на вступление Сербии в ЕС и сотрудничество с МТБЮ в целом предопределили движение Белграда в том же направлении, хотя и с меньшей последовательностью. Несмотря на политико-психологическую инерцию сербо-хорватского противоборства и негативный груз исторической памяти, и Загреб, и Белград в двусторонних отношениях все в большей степени руководствуются политической прагматикой и взвешенными оценками качественно изменившейся ситуации.

В настоящее время сильно поредевшее сербское меньшинство в Хорватии не может рассчитывать ни на что большее, чем на реализацию культурных прав и небольшое представительство в парламенте и правительстве. Сценарий воссоздания Краины снят с повестки дня; членство Хорватии в НАТО обнуляет даже призрачную возможность активного вмешательства Белграда в хорватские дела под предлогом защиты прав сербского населения. По сути, сербо-хорватский *modus vivendi* сформировался в результате военно-политического поражения сербской стороны, победы хорватской и результирующей этнической гомогенизации Хорватии. В масштабе всего региона сербский вопрос и хорватский вопрос еще не разрешены окончательно, но вероятные варианты их решения уже не связаны автоматически с сербо-хорватским противостоянием.

Дейтонский «мираж» и «призрак» Караджорджево

Дейтонский мир 1995 г. не только положил конец кровопролитию и дал старт реализации на пространстве Боснии и Герцеговины чрезвычайно проблематичной модели консоциативного государственного устройства, но фактически за-

1 Bellamy 2013.

фиксировал этническую гомогенизацию. В приведенной ниже Таблице показана динамика этнической гомогенизации в Боснии и Герцеговине с 1991 по 1997 г., то есть с момента распада Югославии и начала серии военных действий и до момента имплементации ключевых положений Дейтонского соглашения, вплоть до последней переписи 2013 г.

Таблица.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГОМОГЕНИЗАЦИЯ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ ПОСЛЕ 1991 г. ETHNIC HOMOGENIZATION IN BOSNIA AND HERZEGOVINA AFTER 1991.

	Мусульмано-хорватская федерация			Республика Сербская		
	1991	1996	2013	1991	1996	2013
Мусульмане (бошняки)	52,30	72,61	70,40	28,08	2,19	13,99 (12,69)
Сербы	17,62	2,32	2,41	55,43	96,79	81,51
Хорваты	21,90	22,27	22,44	9,19	1,02	2,41

Источник: "Census of Population, Households and Dwellings in Bosnia and Herzegovina," UN Stats, 2013, accessed April 19, 2021, <https://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/wphc/BIH/BIH-2016-06-30.pdf>.

Благодаря Дейтону были проведены границы энтитетов¹, которые едва ли станут объектом новых споров между боснийскими сербами и хорватами именно вследствие этнической гомогенизации. Наследие этнических чисток таково, что сербы, покинувшие территорию мусульмано-хорватской федерации, в подавляющем большинстве не считают возможным туда возвращаться. Почти столь же малопривлекательной оказалась Республика Сербская для хорватов. Мусульманские беженцы более охотно возвращаются в Республику Сербскую, но число вернувшихся не превысило 50% от количества мусульман, проживавших на этих территориях в 1991 г. О существенном изменении послевоенного этноконфессионального баланса в энтитетах БиГ речь не идет, зато фундаментальной проблемой является устойчивость всей дейтонской модели государственности Боснии и Герцеговины.

Дейтонская конституция БиГ, для введения в действие которой оказалось достаточно лишь одной «директивы международного сообщества»² без процедур демократической легитимации в сербском и мусульмано-хорватском энтитетах, была вдохновлена идеями консоциативной демократии А. Лейпхарта³, предполагающей организацию управления в территориальной политике путем полномасштабного включения в этот процесс этнокультурных сообществ. Фактически речь идет об обеспечении стабильности и внутренней безопасности такой политики на основе институциональных сделок акторов, представляющих конкурирующие этнокультурные сообщества. Однако принципиальной особенностью ситуации в БиГ, расходящейся с идеальной моделью Лейпхарта, было нежелание элит, представлявших бошняков, сербов и хорватов, идти на сотрудничество друг с другом. Взаимодействие было и остается вынужденным, осуществляемым

1 Согласно Конституции Боснии и Герцеговины, принятой в соответствии с Дейтонским соглашением, это государство состоит из двух частей – энтитетов: Республики Сербской и мусульмано-хорватской федерации (Федерации Боснии и Герцеговины). Особый статус имеет округ Брчко, фактически находящийся под международным контролем.

2 Bildt 1998, 139.

3 Lijphart 2007.

под внешним контролем и давлением. Именно это обстоятельство делает боснийскую версию консоциативной демократии крайне проблематичной. Для обеспечения ее стабильности нет достаточных внутренних ресурсов, и только внешнее управление (сначала со стороны НАТО, затем – Европейского союза) позволяет сохранить относительную устойчивость, правда, в ущерб эффективности и функциональности государственных институтов. То, что работает в этой конструкции более эффективно, функционирует на уровнях энтитетов и кантонов, образующих мусульmano-хорватскую федерацию (в Республике Сербской кантоны отсутствуют, что делает систему управления менее громоздкой). Между двумя энтитетами существует очевидная асимметрия: федеративный характер территориально-политического устройства одного из них и централизация – в другом.

На верхнем уровне государственных институтов БиГ принятие значимых политических решений часто ветируется той или иной общиной, а институт Высокого представителя ЕС, наделенный большим объемом арбитражных, распорядительных и рестриктивных по отношению к энтитетам полномочий, по факту оказывается не столь всемогущим, когда усилия конкретных политических эмиссаров на этой должности, направленные на изменение статус-кво, усиливают риск возобновления межобщинного конфликта. Тем не менее внешнее управление остается главной скрепой, предотвращающей распад политической конструкции, которая не удовлетворяет ни одну из общин, причем с течением времени этот дисконформ не ослабевает.

Еще более существенно то, что после Дейтона происходит не сближение, а нарастание дивергенции на уровне идентичностей, ценностей и исторических нарративов трех этноконфессиональных групп. Хотя Дейтонский договор значительно сократил контролируемую сербами территорию, в нынешних пределах Республики Сербской (РС) существуют немалые возможности для укрепления сербской идентичности, тогда как общепоснийские ценности воспринимаются как навязываемые извне. Политические элиты РС, отнюдь не во всем единые, стремятся к сохранению в максимальном объеме предоставленных Дейтоном полномочий сербского энтитета. У сербов недовольство Дейтоном связано прежде всего с ограничением прав на самоопределение, а также с их стигматизацией как основных виновников кровопролития 1992–1995 гг., доходящей до того, что даже само существование Республики Сербской истолковывается как прямое следствие массовой резни мусульман в Сребренице¹. Несмотря на то что М. Додик и ряд других политиков РС все более решительно заявляют о готовности к сецессии с последующим воссоединением с Сербией, именно сербская сторона является последовательным защитником «первоначального Дейтона». Скорее всего, практические шаги в направлении сецессии сербы предпримут только в условиях резкого обострения кризиса в межобщинных отношениях.

Дивергенция происходит и внутри мусульmano-хорватской федерации, поскольку основой укрепления идентичности бошняков остается ислам в разных его проявлениях, включая и радикальные течения. У многих представителей

1 Bojicic-Dzelilovic 2011.

хорватской стороны, в свою очередь, усиливается недовольство вынужденной привязкой к мусульманской общине, растет стремление к конституированию третьего, хорватского энтитета Герцег-Босна. Снижение уровня жизни в БиГ, значительно усилившееся во время пандемии COVID-19, еще более подчеркивает диспропорции в экономическом положении боснийских хорватов в сравнении с жителями Хорватии¹, являющейся членом ЕС. Весьма проблематичной оказывается и политическая легитимность хорватского представительства на верхнем уровне органов власти БиГ. Так, Ж. Комшич, член Президиума Боснии и Герцеговины от хорватской общины, несколько раз избирался на эту должность голосами бошняков при незначительной поддержке собственно хорватского населения. Благодаря такого рода электоральной манипуляции², подрывающей принципы консоциативной демократии, бошняки фактически получают второй голос в составе тройственного руководства БиГ, тогда как хорватам сложно рассчитывать на не опосредованное влиянием Б. Изетбеговича представительство в Президиуме. Отношения Ж. Комшича с Загребом также являются весьма натянутыми. В целом ситуация в БиГ в сферах гражданских свобод и электоральной демократии стагнирует с 2006 г.³, несмотря на стремление Сараево интегрироваться в состав ЕС.

Если для большинства боснийских хорватов предпочтительной опцией было бы создание третьего энтитета, то есть ревизия Вашингтонского и Дейтонского соглашений, то большинство бошняков ориентированы на централистский проект, или ревизию Дейтона с обратным знаком. Для младшего Изетбеговича и других представителей политической элиты бошняков идеалом является упразднение энтитетов и фактическое обретение мусульманской общины в масштабах БиГ преимуществ, подобных тем, что они имеют в рамках мусульмано-хорватской федерации. Однако у бошняков нет собственных ресурсов, достаточных для достижения этой цели. Достичь ее можно только при наличии мощной и долгосрочной поддержки извне, которая, даже если она будет оказываться, не гарантирует мирного пересмотра дейтонской модели по централистскому сценарию.

Уже идущее рассмотрение заявки на вступление БиГ в Европейский союз и возможный запуск процесса присоединения этой страны к НАТО гипотетически способны привести к унитаристской ревизии Дейтона. Однако интеграция в ЕС и присоединение к НАТО в боснийском случае могут иметь принципиально разные последствия для каждой из этнических общин. Ведомый Германией Европейский союз предпочитает избежать дезинтеграции БиГ, во-первых, как крайне опасного прецедента для всей Европы и, во-вторых, как перспективы появления на развалинах БиГ небольшого мусульманского государства, открытого влиянию Турции, монархий Персидского залива и радикальных исламистских течений. Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ, подписанное в 2008 г., но вступившее в силу только в 2015 г., условия Брюсселя, сопровождавшие принятие к рассмотрению в 2016 г. заявки Сараево на присоединение

1 Следует учитывать, что значительная часть боснийских хорватов имеют также гражданство Хорватии.

2 Berglund 2013, 501.

3 Кудряшова, Мелешкина 2021.

к ЕС, и новая стратегия Еврокомиссии в отношении Западных Балкан (2018)¹ устанавливают высокую планку требований к качеству и устойчивости политических институтов, к преодолению межобщинного разобщения и реальным сдвигам в политической сфере – от этнонационализма к гражданским ценностям. И хотя перспектива присоединения БиГ к ЕС пользуется поддержкой во всех общинах, попытки использовать требования Брюсселя для размывания полномочий энтитетов, не говоря уже об их упразднении и переходе к централизации, наталкиваются на решительное сопротивление Республики Сербской. Усилия нынешнего Высокого представителя ЕС В. Инцко, пытающегося использовать свои широкие полномочия для изменения позиции сербской стороны, дают скорее обратный эффект. Эта ситуация не нова, ее даже можно назвать «дилеммой Высокого представителя»: имея большие возможности давления на сербов и другие общины БиГ, Высокий представитель, как правило², не решается задействовать их в максимальном объеме, опасаясь спровоцировать новую вспышку межобщинного насилия и быть обвиненным в целенаправленном разрушении всей дейтонской конструкции. Не решается по крайней мере до тех пор, пока не получит недвусмысленный мандат на такие действия. Но ЕС в его нынешнем состоянии не готов принять риск дестабилизации Боснии только ради резкого ослабления позиций сербов и, соответственно, такой мандат не предоставит. Пока Европейский союз предпочитает меньшее из зол – констатировать недостаточный прогресс Боснии и Герцеговины в выполнении условий предоставления членства в объединении³. Фактически прием БиГ в ЕС отложен в долгий ящик и неформально будет так или иначе увязан с присоединением к ЕС Сербии, которое, в свою очередь зависит от урегулирования отношений Белграда и Приштины.

Ситуация с приемом Боснии и Герцеговины в НАТО, на первый взгляд, значительно отличается от малообещающей перспективы вступления в ЕС. И США, и другие члены Североатлантического альянса придерживаются курса на максимальное поглощение территорий бывшей Югославии. Однако основным препятствием для присоединения БиГ к НАТО также являются межобщинные разногласия. С точки зрения сербов, вступление в НАТО может привести к крайне неблагоприятному для них изменению соотношения сил, поскольку БиГ окажется внутри контура безопасности, за пределами которого останется Сербия. Только прием самой Сербии в НАТО мог бы ослабить опасения, хотя и не полностью, поскольку автономия членов Альянса в вопросах безопасности и взаимоотношений друг с другом в любом случае ограничиваются не только формальными союзническими обязательствами, но прежде всего американским доминированием.

В сущности, Дейтон сегодня никого не устраивает ни внутри Боснии и Герцеговины, ни за ее пределами. Но разногласия относительно путей трансформации государственного устройства БиГ настолько велики, что поддержание искусственной конструкции Дейтона большинством акторов пока рассматрива-

1 "A Credible Enlargement Perspective for and Enhanced EU Engagement with the Western Balkans," Strasbourg, February 6, 2021, accessed March 3, 2021, https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf.

2 Наиболее ярким исключением был П. Эшдаун, занимавший пост Высокого представителя в 2002–2006 гг.

3 "Bosnia and Herzegovina 2020 Report," Brussels, October 6, 2020, accessed March 7, 2021, https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/bosnia_and_herzegovina_report_2020.pdf.

ется как меньшее из зол. В то же время вероятно и длительное затягивание нынешнего полупаралитического состояния боснийской государственности, после чего часть основных внешних и внутренних акторов вновь начнет рассматривать альтернативные стратегии при условии, что их реализация позволит избежать серьезных вспышек насилия. Создание третьего (хорватского) энтитета под жестким внешним контролем может стать промежуточным итогом подобного разворота ситуации. Но это будет означать, что дейтонский «мираж» начнет «рассеиваться», тогда как очертания предполагаемой караджорджевской сделки – становиться все более осязаемыми.

Албанский вопрос

Вмешательство Запада привело к появлению в регионе Западных Балкан второго албанского государства – Косово, которое пока остается частично признанным. Уже одно это создает многочисленные проблемы для регионального равновесия и безопасности. В совокупности же с проблемами взаимодействия албанского этнического меньшинства с другими этническими группами в Северной Македонии, Черногории, на юге Сербии (без Косово) и севере Греции албанский вопрос становится серьезнейшим фактором неопределенности, локализованной уже и на территории Североатлантического альянса. Вступление в ЕС любой новой страны Западных Балкан (за исключением Боснии и Герцеговины) будет означать интериоризацию албанского вопроса Евросоюзом.

Выступая спонсором независимости Косово, Запад усугубляет проблемы и в том плане, что по его инициативе и под его контролем в Косово происходит трансплантация институтов, ранее на этой почве практически неизвестных. Ситуация для Запада на всем постъюгославском пространстве выглядит очень двусмысленной: сначала под его давлением расширяются возможности ревизии границ и «выхода» акторов, затем эти возможности практически закрываются, а внутренние акторы западнобалканских политий, удерживаемые извне от новых попыток «выхода», пытаются обрести «голос» в пределах границ, объявленных нерушимыми. В теории борьба различных акторов за право «голоса» должна ускорить процессы структурирования политического пространства и функциональной специализации власти¹. В западнобалканских и, в частности, косовских реалиях слабость или отсутствие институциональных традиций приводит к тому, что привнесение извне формальных институтов действительно активизирует политическое структурирование, но происходит оно таким образом, что неформальные структуры и отношения, привычные для соответствующего социума, не вытесняются, а мимикрируют и в конечном счете подменяют содержание формальных институтов. В Косово, где партийно-политические структуры развиваются в значительной степени на клановой основе, это особенно ярко выражено². Так что функционирование на фоне внедрения в Косово институтов плюралистической демократии традиционного албанского права, регулирующего

1 Bartolini 2005, 29.

2 Montanaro 2009.

патрон-клиентские отношения и защищающего особую роль родовой общины¹, не должно казаться чем-то из ряда вон выходящим.

Сербское и другие этнические меньшинства фактически занимают в Косово маргинальное положение, но там, где есть возможность опереться на внешнюю поддержку (в северных районах), они формируют альтернативные структуры и институты. Этническая гомогенизация весьма интенсивно проходила в Косово еще во времена социалистической Югославии; в 1990-е гг. и особенно после военного вмешательства стран НАТО исход неалбанского населения резко ускорился². В итоге численность албанцев превышает 9/10 общего количества населения. Их доминирование в Косово неоспоримо; предоставление этническим меньшинствам юридических гарантий и парламентского представительства не создают рисков изменения *status-quo*, а наличие небольших сербских анклавов на юге Косово скорее может трактоваться как подтверждение готовности Приштины сохранить остатки этнического разнообразия. Однако вопреки Брюссельским соглашениям 2013 г. между Сербией и Косово, Ассоциация сербских муниципалитетов до сих пор не функционирует и, очевидно, в любом случае не будет иметь исполнительных полномочий. Северная Митровица и прилегающие к ней районы Косово с преобладанием сербского населения, а также значительная доля албанского населения в сербских общинах Прешево и Буяновац остаются потенциальными аренами межэтнического противостояния и эскалации конфликта между Сербией и Косово. В конечном счете контроль со стороны Запада является основным фактором, препятствующим такой эскалации.

Обеспечив силовую поддержку так называемого «правозащитного самоопределения» Косово³, НАТО нанесло последний, решающий удар по режиму С. Милошевича и проекту «Великой Сербии». Следует ли из этого, что вместо великосербского проекта США, НАТО и Запад в целом сделали выбор в пользу проекта «Великой Албании»? Подобные оценки присутствуют в научной литературе, по крайней мере, в рамках проработки различных сценариев развития событий на Балканах⁴. Несомненно, что, получив военную поддержку НАТО в 1999 г. в Косово и политико-дипломатическую – в 2001 г. в Северной Македонии (результатом западного посредничества стало Охридское соглашение), албанцы вплоть до сегодняшнего дня отличаются максимальной на Балканах комплиментарностью в отношении Североатлантического альянса. Однако они имеют собственную повестку, которая лишь до определенной степени сопрягается с повестками США и ЕС. Так, для Соединенных Штатов поддержка косовских албанцев позволила закрепить безоговорочное доминирование НАТО в регионе и создать в Косово важнейший опорный пункт – базу Кэмп-Бондстил. Вместе с тем это не означает, что главная цель Вашингтона состояла или состоит в обеспечении успеха албанского ирредентизма. Создание в том или ином виде Великой Албании или заключение унии только между Албанией и Косово создаст экзистенциальную угрозу нескольким членам НАТО, вызовет острый кризис внутри Альянса, ито-

1 Tarifa 2008.

2 Романенко 2012.

3 Weller 2008, 86.

4 Пономарева 2018.

гом которого может стать его дальнейшее разрыхление (пока основной вклад в этот процесс вносит эрдогановская Турция со своими собственными геополитическими амбициями). США, скорее, устраивает статус-кво, когда финальные цели албанского ирредентизма довольно близки, но не достигнуты, а сами США выступают основным вооруженным гарантом стабильности в условиях, когда вероятность внезапной дестабилизации в регионе по-прежнему сохраняется или даже возрастает. Европейский союз в случае албанского ирредентизма оказывается в еще более уязвимом положении. Большинство стран ЕС пошли на признание независимости Косово, но к тому, что эта независимость станет лишь промежуточной остановкой на пути к объединению с Албанией, они не готовы и в обозримой перспективе будут стремиться помешать возникновению этого прецедента политическими средствами. Как и в боснийском случае, для Брюсселя крайне нежелательна перспектива признания перекройки границ по итогам насильственной этнической гомогенизации. Албанский ирредентизм, наряду с криминальной активностью и проходящими через населенные албанцами части Балкан каналами распространения исламского радикализма, способен опрокинуть всю стратегию ЕС в отношении региона.

Между тем такая позиция Запада, который ранее уже сделал важнейшие шаги навстречу албанским интересам, может подтолкнуть албанских акторов (не только политические элиты, но также клановые структуры и криминальные группировки) к серии новых шагов, трансформирующих региональную политическую реальность. Именно это происходило после завершения натовской военной интервенции в Косово и в итоге завершилось односторонним провозглашением независимости в 2008 г. В условиях усиливающейся неопределенности в отношении перспектив полной интеграции в ЕС той части Западных Балкан, которая в прошлом контролировалась Османской империей, албанские игроки могут попытаться вновь активно использовать ранее приносившую успех тактику. Если часть нынешних политических элит Албании и Косово, глубоко вовлеченных во взаимодействие с Брюсселем и Вашингтоном, вынуждены занимать относительно сдержанную позицию, то на низовом уровне поддержка идей Великой Албании является вполне определенной, и этот фактор оказывает сильное влияние на электоральные процессы и политическое поведение. Разумеется, здесь следует принимать во внимание и протестные настроения¹, когда радикальные идеи ирредентизма отражают глубокую неудовлетворенность избирателей фактическим положением дел в малых албанских государствах.

Как для США, так и для ЕС приоритетом является такой формат урегулирования отношений между Косово и Сербией, который будет означать полное признание международной субъектности Приштины и по возможности не приведет к крушению режима в Белграде, согласившегося на такое признание. С одной стороны, такое признание – лишь констатация существующих и, очевидно, необратимых реалий. Гипотетический обмен между Белградом и Приштиной территориями с преобладанием сербского и албанского населения мог бы устранить и новые очаги потенциальной дестабилизации. С другой стороны, историко-

1 Endresen 2016, 212.

символическое значение Косово и Метохии для сербов пока перевешивает все практические выгоды признания политической реальности.

В период президентства Д. Трампа в американском подходе к косовской проблеме и к отношениям с Сербией обозначились определенные сдвиги. Если прежде Сербия рассматривалась как сторона, потерпевшая и военное, и морально-политическое поражение, которой надлежит смириться с его последствиями, то при Д. Трампе явно усилилось понимание важности включения Белграда в пул региональных акторов, интересы которых США готовы до определенной степени поддерживать. В материалах влиятельных американских аналитических центров, посвященных Западным Балканам, появились призывы к «историческому» сближению с Сербией и к восстановлению репутации США как честного партнера¹. Несомненно, что основная мотивация Вашингтона была связана со стремлением установить контроль НАТО над всеми странами региона, а также ослабить позиции России и Китая в Сербии. В то же время при Д. Трампе усилился мотив конкуренции с Европейским союзом.

Подписанное в сентябре 2020 г. в Вашингтоне соглашение о нормализации отношений между Сербией и Косово предполагает ряд шагов навстречу интересам Белграда, прежде всего в экономической сфере. При этом и Сербия, и Косово «встраиваются» в американскую стратегию не только на Западных Балканах, но и на Ближнем Востоке и в отношениях с Китаем. В то же время это соглашение, как предполагается, должно сформировать условия для еще более значимых сдвигов в отношениях между Белградом и Приштиной. Однако здесь фактором неопределенности становится степень последовательности американского подхода, который при Дж. Байдене может вновь претерпеть изменения. На данный момент² требование к Сербии признать косовскую независимость заявлено в качестве приоритета политики 46-го Президента США в Западнобалканском регионе. Соответственно, перспективы нового соглашения между Сербией и Косово остаются туманными.

А. Вучич вынужден в своей политике постоянно искать баланс между почти сакральным отношением большинства сербов к Косово и Метохии как очагу национальной государственности и культуры и весьма неблагоприятными политическими реалиями. Восстановление фактического контроля Белграда над большей частью территории Косово (за исключением вероятного «размена» Северной Митровицы и нескольких прилегающих к ней косовских районов на территории в Прешево с преобладанием албанского населения) невозможно; в перспективе Косово с большой степенью вероятности сформирует настолько плотную сеть связей с Албанией, что признание их единства окажется вопросом времени и политической целесообразности для отдельных государств и надгосударственных объединений. В сущности, стабильность Сербии во многом будет определяться тем, в какой степени албанский вопрос будет считаться вопросом внутреннего контроля и в какой – вопросом международных связей. Усилия А. Вучича, направленные на нахождение *modus vivendi* с косовскими албанцами и

1 D. Marusic, S. Bedenbaugh, and D. Wilson, "Balkans Forward: A New US Strategy for the Region," Atlantic Council: Official Website, November 2017, accessed March 7, 2021, http://www.atlanticcouncil.org/images/Balkans_Forward_web_1128.pdf.

2 Февраль 2021 г.

Албанией, на прагматизацию взаимодействия с ними, даже будучи вынужденными, оправданы в том международном контексте, в котором находится Сербия.

По всей видимости, США (во всяком случае, при Д. Трампе) начали делать шаги навстречу Белграду, стремясь к общей и контролируемой ими перебалансировке сил в регионе, необходимость которой возрастает с учетом перспектив завершения великоалбанского проекта. Показательно, что испытанные инструменты воздействия на западнобалканские элиты (МТБЮ и его функциональный преемник – гаагское подразделение Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов) начали значительно активнее применяться в отношении влиятельных политиков-косоваров. Кроме того, возможности контроля извне над политическими процессами в албаноязычном пространстве Западных Балкан связаны с использованием межклановых противоречий, степенью решительности в борьбе с криминальной активностью, наличием социокультурных, экономических и институциональных различий между разными частями этого пространства. Тем не менее ни США, ни ЕС не могут быть до конца уверены, что полноценно контролируют ситуацию в албаноязычном пространстве.

Наибольшей непредсказуемостью отличается ситуация в Северной Македонии, а при нарастании общей политической дестабилизации в Черногории вполне вероятно усиление напряженности в прилегающих к Албании районах этой страны. Далеко не однозначной является ситуация и в тех районах Греции, где проживает большое количество албанцев. Практически везде албанское меньшинство отличается высокой степенью сплоченности и недостаточной интегрированностью в социальные структуры соответствующих стран¹.

Быстрое расширение НАТО за счет малых западнобалканских стран – Албании, Черногории и Северной Македонии – означало, во-первых, интериоризацию Североатлантическим альянсом тлеющих конфликтов, связанных с положением албанского этнического меньшинства на постъюгославском пространстве. Во-вторых, в отличие от случаев Словении и Хорватии, когда членство в НАТО предваряло решающую стадию евроинтеграции, в актуальных условиях вступление в Альянс может выполнять компенсационную функцию, когда окончательное присоединение других государств Западных Балкан к Европейскому союзу откладывается на многие годы.

Вступление в НАТО Северной Македонии едва ли бы состоялось без активной поддержки албанского населения и албанских элит. Теперь, однако, любую дестабилизацию отношений между двумя основными этническими группами Северной Македонии можно рассматривать как удар по репутации Альянса, который, по идее, должен обеспечить внутреннюю стабильность и безопасность своих новобранцев. Если вместо этого события будут развиваться в направлении косовского сценария и фактического появления государства в государстве, то НАТО должна блокировать активность местных албанцев либо расписаться в своем бессилии предотвратить скатывание Северной Македонии к состоянию *failed state*. Абсорбируя вместе с западнобалканскими государствами их противо-

1 Ури 2007.

речия, НАТО, конечно, не рискует сильно ослабить союзническое единство (во всяком случае, не по этой причине), но зато будет вынуждена отвлекать дополнительные ресурсы на поддержание региональной стабильности. Имея репутацию поставщика безопасности, НАТО в случае Западных Балкан может столкнуться с довольно редкой необходимостью подтвердить эту репутацию на деле.

Заключение

Сценарии будущего Западных Балкан, на которые ориентируются Европейский союз и США, не ведут к устранению причин основных конфликтов на постъюгославском пространстве и, очевидно, в существенных моментах расходятся с теми образами желаемого будущего, которые соответствуют устремлениям значительной части населения стран региона. Последствия этнической гомогенизации и этнонационализма – суровая реальность, формирующая практическую политику на постъюгославском пространстве и вокруг него. В долгосрочной перспективе в регионе могут воплотиться в жизнь в том или ином виде два или три ирредентистских проекта. Напротив, шансы на то, что сербы, хорваты, албанцы полностью откажутся от этих устремлений, все вместе оказавшись в общих пределах Европейского союза, представляются не очень высокими. Даже если политические элиты ЕС решатся на полную и безусловную интеграцию всех территорий Западных Балкан, нет никаких гарантий того, что уже внутри ЕС, воспользовавшись преимуществами нового статуса, региональные акторы навсегда удовлетворятся нарративами о гармоничном сосуществовании внутри мультиэтнического и мультикультурного пространства. Если усилия внешних игроков по блокировке нового подъема сербского, хорватского или албанского ирредентизма окажутся тщетными, то такое развитие событий может рассматриваться как финализация военных конфликтов 1990-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ильин, М.В., Мелешкина, Е.Ю., Мельвил, А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // *Полис*. – 2010. – № 3. – С. 26–39. [Ильин, Mikhail V., Elena Yu. Meleshkina, and Andrey Yu. Mel'vil. "Formation of New States: External and Internal Factors of Consolidation." [Formirovanie novykh gosudarstv: vneshnie i vnutrennie faktory konsolidatsii] *Polis*, no. 3 (2010): 26–39] [In Russian].
- Косово: прошлое, настоящее, будущее / Ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев. – СПб.: Алетейя, 2012. – 243 с. [*Kosovo: Past, Present, Future* [Kosovo: proshloe, nastoyashchee, budushee], edited by S.A. Romanenko, B.A. Schmelev. Saint-Petersburg: Aleteia, 2012] [In Russian].
- Кудряшова, И.В., Мелешкина, Е.Ю. Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 2. – С. 54–76. [Kudryashova, Irina V., and Elena Yu. Meleshkina. "Power Sharing and Formation a National Community: Reflecting the Bosnian Experience." [Razdelenie vlasti i formirovanie natsionalnogo soobschestva: osmyslenie bosnijskogo opyta] *Aktualnye problemy Evropy*, no. 2 (2021): 54–76] [In Russian].
- Никифоров, К.В. Геополитический аспект югославского кризиса // Югославия в XX в. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2011. – С. 865–870. [Nikiforov, Konstantin V. "Geopolitical Aspect of Yugoslavian Crisis" [Geopoliticheskiy aspekt jugoslavskogo krizisa]. In *Yugoslavia in 20th Century: Essays on Political History*, 865–870. Moscow: Indrik, 2011] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: Сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2. – С. 99–124. [Ponomareva, Elena G. "Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans" [Albanskiy faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan] *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (2018): 99–124].
- Archibugi, Daniele, and Alice Pease. *Crime and Global Justice: The Dynamics of International Punishment*. Cambridge: Polity Press, 2018.
- Bartolini, Stefano. *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Berglund, Sten, ed. *The Handbook of Political Change in Eastern Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013.
- Bellamy, Alex J. *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old Dream?* Manchester: Manchester University Press, 2013.

- Bildt, Carl. *Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1998.
- Bojicic-Dzelilovic, Vesna. "The Politics, Practice and Paradox of 'Ethnic Security' in Bosnia-Herzegovina." *Stability: International Journal of Security and Development* 4, no. 1 (2015): 1–18.
- Bunce, Valerie. *Subversive Institutions: The Design and the Collapse of Socialism and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Crawford, Beverly. "Explaining Defection from International Cooperation: Germany's Unilateral Recognition of Croatia." *World Politics* 48, no. 4 (July 1996): 482–521.
- Endresen, Cecilie. "Status Report Albania 100 Years: Symbolic Nation-Building Completed?" In *Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe*, edited by P. Kolstø, 201–226. Farnham and Burlington: Ashgate, 2014.
- Goldsworthy, Vesna. *Inventing Ruritania. The Imperialism of the Imagination*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Guzina, Dejan. "The Self-Destruction of Yugoslavia." *Canadian Review of Studies in Nationalism* 27, no. 1/2 (2000): 21–32.
- Hirschman, Albert O. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Hoare, Marco A. "The War of Yugoslav Succession." In *Central and Southeast European Politics since 1989*, edited by S. Ramet, 111–136. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Kanin, David. "Partition, Frustration, and Identity in the Former Yugoslavia." *Journal of Modern Hellenism* 30, (2014): 110–140.
- Kaplan, Robert D. *Balkan Ghosts: A Journey through History*. New York: St. Martin's Press, 1993.
- Kritz, Neil, ed. *Transitional Justice: How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes*, Vols. I–III. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace Press, 1995.
- Lijphart, Arend. *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. New York: Routledge, 2007.
- Montanaro, Lucia. *The Kosovo Statebuilding Conundrum: Addressing Fragility in a Contested State*. FRIDE working paper no. 91. Madrid: Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior (FRIDE), 2009. https://www.files.ethz.ch/isn/131017/WP91_Lucia_Montanaro_Kosovo_Statebuilding_Conundrum_3dic.pdf.
- Ramet, Sabrina P. *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević*. 4th ed. Boulder: Westview Press, 2002.
- Stokes, Gale, John Lampe, Dennison Rusinow, and Julie Mostov. "Instant History: Understanding the Wars of Yugoslav Succession." *Slavic Review* 55, no. 1 (Spring 1996): 136–160.
- Tarifa, Fatos. *Vengeance is Mine: Justice Albanian Style*. Chapel Hill, NC: Globic Press, 2008.
- Todorova, Maria. *Imagining the Balkans*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Weller, Marc. *Negotiating the Final Status of Kosovo*. Chaillot Paper No. 114. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2008. <https://www.iss.europa.eu/content/negotiating-final-status-kosovo>.
- Ypi, Lea L. "The Albanian Renaissance in Political Thought: Between the Enlightenment and Romanticism." *East European Politics and Societies* 21, no. 4 (2007): 661–680.
- Zimmermann, Warren. *Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. America's Last Ambassador Tells What Happened and Why*. New York: Times Books, 1999.

Сведения об авторе

Дмитрий Валерьевич Ефременко,

д.пол.н., заместитель директора Института научной информации

по общественным наукам РАН,

117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.

e-mail: efdv2015@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 18 марта 2021. Принята к публикации: 19 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда

фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662).

Цитирование

Ефременко, Д.В. Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 74–95.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-74-95>

The Open End of the War of Yugoslav Legacy: the Consequences of the Dissolution of the SFRY Three Decades Later

ABSTRACT

The article examines the dynamics and prospects of resolving the main conflicts in the Western Balkans three decades after the collapse of Yugoslavia. The most important factors influencing the conflict dynamics in the region are ethnonationalism, ethnic homogenization and external interference. Western intervention made it possible to stop hostilities, but at the same time it actually consolidated the results of ethnic homogenization. The Serbo-Croatian conflict is close to its exhaustion due to the actual support of the West for Operation "Storm" (1995), the exodus of more than 200 thousand Serbs from Croatia, the integration of Croatia into NATO and the European Union. Despite the negative burden of historical memory, both Zagreb and Belgrade in bilateral relations are increasingly guided by political pragmatism and balanced assessments of the qualitatively changed situation. Against this background, the Dayton model of state structure in Bosnia and Herzegovina, built on the basis of institutional transactions of actors representing competing ethnocultural communities, demonstrates its dysfunctionality. The interaction and cooperation of these actors remain largely limited, carried out under external control and pressure. Regarding the structure of the article, the author, first, discusses some general issues contributing to the enduring conflict in the Western Balkans; second, the article examines the prospects of antagonism between the Serbs and Croats; third, I analyze the impact of the Dayton Accords on the post-Yugoslav space. I conclude that scenarios for the future of the Western Balkans, to which the European Union and the United States are oriented, do not lead to the elimination of the causes of major conflicts in the post-Yugoslav space and obviously diverge in essential points from the images of the desired future that correspond to the aspirations of a significant part of the population in the region.

KEYWORDS

Western Balkans, disintegration of Yugoslavia, ethno-nationalism, interethnic conflicts, external interference, ethnic homogenization, irredentism

Author

Dmitry V. Yefremenko,

Doctor of Political Science, Deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Nakhimovsky prospect, 51/21, 117418.

e-mail: efdv2015@mail.ru

Additional information

Received: March 18, 2021. Accepted: April 19, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interests was reported by the author.

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (Project No. 19-011-00662).

For citation

Yefremenko, Dmitry V. "The Open End of the War of Yugoslav Legacy: the Consequences of the Dissolution of the SFRY Three Decades Later."

Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 74–95.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-74-95>